

Спасительный трактор: пропаганда технического прогресса в советских изданиях для детей довоенного времени*

Анна Вырупаева

Международный институт дизайна и сервиса,
Челябинск, Россия

The Rescue Tractor: The Propaganda of Technological Progress in Soviet Publications for Children before the Second World War

Anna Vyrupeva

International Institute of Design and Service,
Chelyabinsk, Russia

Childhood in the USSR is a topic of considerable interest for both Russian and non-Russian researchers: it is driven by a constant demand for Soviet children's literature, the use of related images in modern advertising, and Russians' nostalgia for their childhood. Contemporary researchers mostly focus on the methods the Soviet government used to construct images of a happy childhood. In the Soviet Union, where the cult of childhood appeared early enough, Soviet propaganda formed the idea of the so-called "paradisiacal places" of Soviet childhood: pioneer camps, recreation parks, etc. The article's author considers the first five-year plan in the USSR as being the main event of the turn of the 1930s that was explained and promoted to children by Soviet propaganda. The study specifically focuses on the propaganda of industrial development, and not on the topics of the friendship of peoples, class struggle, and the miserable life of workers and their children in other countries. Another feature of the article is the chosen time frame, which makes it possible to take a "screenshot" of the transitional stage of the existence of the Soviet state and the sharp turn in the early 1930s from ideas of internationalism to postulates of "all-Soviet national superiority". Referring to the popularisation of the achievements of the first five-year plan, the study traces the ideological transition

---

* Citation: Vyrupeva, A. (2022). The Rescue Tractor: The Propaganda of Technological Progress in Soviet Publications for Children before the Second World War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 545–557. DOI 10.15826/qr.2022.2.687.

Цитирование: Вырупаева А. Спасительный трактор: пропаганда технического прогресса в советских изданиях для детей довоенного времени // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 545–557. DOI 10.15826/qr.2022.2.687.

to national patriotic propaganda. The author refers to popular children's magazines (*Murzilka*, *Yozh*, and *Chizh*) and books, some of which were created by avant-garde artists. The author considers the combination of text and image in children's periodicals. Promoting industrial development, they presented the young reader with a whole arsenal of machines, putting forward a recognised "king" among them. There were a lot of applicants for wearing the "crown", including military vehicles, which were extremely popular in the USSR. However, the Soviet country had a more terrible enemy than imperialists and counterrevolutionaries: malnutrition and hunger. It was this fact that made the tractor the main character of technical agitation at the turn of the 1930s in the USSR.

Keywords: USSR, childhood, propaganda, fiction, *Murzilka*, hunger, industrialisation in the Soviet Union, first five-year plan

История советского детства вызывает значительный интерес у зарубежных и отечественных исследователей, который характеризуется сохраняющимся высоким спросом на детскую советскую литературу, использованием детских образов в современной рекламе и ностальгией россиян по своему детству в СССР. Важными для исследователей оказываются механизмы, с помощью которых советская власть конструировала образы счастливого детства. В Советском Союзе, где с самого начала сложился своеобразный культ счастливого ребенка, в содержание пропаганды входило конструирование образов «райских мест» советского детства – пионерских лагерей, парков отдыха и т. д. Автор обращается к проблеме агитации в детских изданиях с целью выяснить, что именно советская пропаганда рассказывала детям про главное событие рубежа 1920–1930-х гг. – первую пятилетку. Это заставляет концентрироваться на «технической» агитации, оставляя за границей внимания темы дружбы народов, борьбы классов и «жалкого» существования трудящихся и их детей в других странах. Хронология – начало 1930-х гг. – позволяет сделать «стоп-кадр» на переходном этапе существования Советского государства, которое сделало резкий поворот от идей интернационализма к постулатам «общесоветского национального превосходства». Исследование на примере популяризации достижений первой пятилетки дает возможность проследить, как осуществлялся идейный переход к национально-патриотической пропаганде. В качестве источников выступают популярные детские журналы («Мурзилка», «Ёж», «Чиж») и книги, часть из которых была создана художниками-авангардистами. Автор концентрируется на соединении текста и изображения в детских изданиях. Пропагандируя технический взлет, они представляли юному читателю целый арсенал машин, выдвигая среди них признанного «короля». Как может показаться с ретроспективной точки зрения, претендентов на ношение «короны» было немало, включая сверхпопулярную в СССР военную технику. Однако, как оказалось, у страны Советов были враги страшнее, чем империалисты и контрреволюционеры, а именно – недоедание и голод. Именно данный факт и определил главного героя технической агитации на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР – трактор.

Ключевые слова: СССР, детство, пропаганда, художественная литература, «Мурзилка», индустриализация, первая пятилетка

В 1927 г. на немецкие киноэкраны вышел широко известный ныне фильм Фрица Ланга «Метрополис». Картина рассказывала про город будущего, который делился на две части: верхний рай, где обитали «хозяева жизни», и подземный промышленный ад, где жили и трудились рабочие. Основу пейзажа подземного мира Метрополиса составляли гигантские машины, бесчисленные трубы и валящий клубами дым. За два года до этого в советской России появилась детская книга о новой Волховской электростанции, в которой изображение доменных печей Ленинграда оказалось очень похожим на «главную» машину Метрополиса [Войнов]. В обоих случаях – и в книге, и в фильме – в машинах просматривались зооморфные черты: плечи, голова и пасть (ил. 1 на цв. вклейке). Но если в немецком фильме машина являлась олицетворением ужаса и в какой-то момент превращалась в Молоха, пожирающего людей, то в советской книге она выступала как нечто хорошее и дружественное человеку (ил. 2 на цв. вклейке). И это не случайно: на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР приступили к индустриализации – массовому строительству промышленных предприятий, которые должны были производить технику – главный источник народного процветания и благополучия с точки зрения новой власти. Вот как эту мысль популярно объясняли детям: «выстроят фабрики и будут делать бумагу для тетрадок» [Махнаева, с. 30].

Согласно первому пятилетнему плану (1928–1932), в Советском Союзе следовало построить более 1,5 тыс. предприятий. «Великая стройка» должна была превратить аграрную Россию в индустриальную страну за десять с лишним лет, или за три пятилетних плана. Как заявил в 1931 г. Сталин: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [Сталин]. Символом этой стремительной «пробежки» в советской пропаганде стала машина.

Реклама технического прогресса превратилась в такую же неотъемлемую часть сталинской модернизации, как само промышленное строительство и производство: с плакатов, газетных страниц и киноэкранов советский человек видел автомобили, аэропланы, комбайны. Детям от пяти до десяти лет про «великую стройку» рассказывали различные детские периодические издания и книги.

Детская художественная литература рубежа 1920–1930-х гг. пестрила «машинной» темой, которая носила не только развлекательный, но и серьезный просветительский характер. Младшему поколению презентовали технологию различных производств – от нефти до продовольствия. Например, в книге «Хлебозавод № 3» описывалось приготовление хлеба в современных условиях: техника просеивает муку, замешивает тесто и печет булки. На иллюстрациях параллельно изображались бегущие ленты, хлебные карусели и большие печи. «Старая» профессия пекаря, как констатировалось в книге, больше не нужна, так как «не пекаря, а машины делают румяные кирпичики хлеба» [Дейнеко, Трошин, с. 3]. Кроме того, детская литература обстоятельно рассказывала о различных технических новинках, прежде всего транспортных –

о самолетах, ледоколах, мотоциклах и пр. Все это производилось теперь в Советском Союзе, а если еще чего-то не было, например, дирижабля, который в одном из повествований прилетел в Москву из Германии, то непременно – что не подлежало сомнению – будет «точно такое же, а, может быть, и лучше» [Саконская, с. 11].

Советские машины должны были вызывать гордость, поэтому рассказы о них сопровождались повествованиями про спасительные операции, рекорды и иные достижения. В книге «Крылья Советов» рассказывалось про европейское турне первого советского пассажирского лайнера, который следовал по маршруту Москва – Берлин – Париж – Лондон – Москва и должен был продемонстрировать успехи советского авиастроения. Как говорилось в книге: «Пусть посмотрят там, какие самолеты умеют строить в СССР» [Стучинская, с. 8]. Воздушное судно описывалось как «большое», «сильное», «быстрое». В Берлине советский самолет встретили овациями. Такая же реакция, согласно свидетельству автора, была и в Лондоне. Вывод гласил: «теперь англичане, немцы, французы знают, какие в СССР есть большие, сильные самолеты». И далее следовало несколько неожиданное заключение: «воевать со Страной Советов будет нелегко!» [Там же, с. 16]. Оказывается, «в случае надобности» воздушное судно могло применяться для военных целей как транспортное средство. Рассматривался и вариант установки на летательный аппарат бомбардировочного оборудования. Позднее – в середине 1930-х гг. – самолеты и пилоты станут главными символами технического прогресса в СССР, включая легендарную эпопею по спасению челюскинцев (1934) и знаменитый перелет через Северный полюс (1937).

Однако юным читателям Советского Союза рассказывали не только про широко известную технику, но и про ее совершенно необычные экземпляры. В 1931 г. вышла книга, которая поведала про такое советское изобретение, как аэросани. Как писал один из авторов, «аэросани похожи на самолет, только без крыльев. На самолете мотор устанавливается спереди, а на аэросанях он сзади» [Кармен, с. 8]. В книге не только рассказывалось про устройство необычной машины, но и был представлен целый репортаж о пробеге колонны аэросаней от Ленинграда до Москвы. От города на Неве до столицы аэросани пронеслись, продемонстрировав выдающуюся скорость: «100 км в час, в два раза быстрее скорого поезда, в десять раз быстрее трамвая, 1,5 км в одну минуту» [Там же, с. 22]. Для чего же, собственно, потребовался этот технический гибрид? Ответ дал командир пробега: для коммуникации с «далекими северными окраинами нашей страны» [Там же, с. 25]. В скором времени, как отмечалось в репортаже, новые машины запустят в серийное производство, и они победным ходом пойдут «по любой дороге, в любой мороз, днем и ночью» [Там же, с. 26].

Но все ли было так благополучно в стране начавшегося технического прогресса? Оказывается, во время пробега аэросаней закончился бензин, и на помощь его участникам пришли крестьяне. «Мохна-

тые лошадки» взяли на буксир технику и доставили ее в соседнюю деревню. «Позор! Хорошо, что ночь, и никто нас не видит», – сокрушался один из участников пробега. Но мудрые крестьяне его утешали: «Не горюй, приятель. Всякое бывает» [Кармен, с. 18]. Помимо демонстрации народного единства и взаимопомощи, здесь невольно проскальзывала мысль о том, что счастливая плакатная жизнь в Советском Союзе мало походила на прозаическую реальность, в которой техника была редкостью и диковинкой.

Так, в знаменитом документальном фильме «Стальной путь» (1929), воспевшем строительство Туркестано-Сибирской железной магистрали, основная масса работ осуществлялась с помощью ручных тачек, лопат и верблюдов. На стройке железнодорожного гиганта присутствовала и техника, однако ее было крайне мало. Любопытно, что на строительстве объектов первой пятилетки в Челябинске также активно применялись верблюды. Животных пригоняли в уральский город из Казахстана для перевозки строительных материалов. Факты использования живой силы на всех стройках первой пятилетки были широко известны в стране, но фактически не приводились в советской пропаганде.

Еще одним примером необычной машины, про которую рассказывали детям, была «лодка-вездеходка», или глассер. Необычность этой лодки состояла в том, что она имела не круглое, а плоское дно с выступом, что давало ей возможность передвигаться на мелководье там, где застревали моторные лодки. Вода, упираясь в плоское дно со ступенькой, выталкивала глассер наверх, и он скорее не плавал, а скользил по водной поверхности. Автор книги «Лодка-вездеходка» Лев Кассиль с пафосом писал: «среди машин глассер – маленький речной революционер» [Кассиль, с. 32]. Почему? Придуманная во Франции лодка с успехом могла быть использована в России, где много маленьких рек и речушек: «они узки и мелки. Пароходу по ним не пройти. Летом они почти совсем пересыхают, зарастают тиной, камышами» [Там же, с. 14]. А ведь «вдоль них стоят деревни, села, колхозы, совхозы, лесные промыслы». Как туда доставить почту, приехать пожарным или медикам? Глассер этому поможет: пройдет по любой воде «быстрее скорого поезда», поэтому «нам надо готовить свои советские глассеры» [Там же, с. 19] (ил. 3 на цв. вклейке).

Еще один герой советской технической пропаганды – военная техника, которая всегда была в почете у советских агитаторов. Как точно подметила Шейла Фицпатрик в книге «Повседневный сталинизм», сталинская Россия жила в рамках нескольких мифов, один из них – «Если завтра война» [Фицпатрик, с. 18]. Предпосылки для такого мироощущения, по мнению американского историка, были. Во-первых, военные: факт проигрыша Россией последних войн – Русско-японской и Первой мировой. Во-вторых, идеологические: считалось, что Советский Союз находится во враждебном капиталистическом окружении, которое никогда не смирится с существованием первого и единственного в мире социалистического государства [Там же].

Или, как разъяснялось в детских изданиях простым языком, «капиталисты хотят напасть на нас» [Савельев, с. 18].

Страх перед новым вооруженным конфликтом провоцировал соответствующую риторику в детских произведениях, где тема войны присутствовала, как правило, в двух вариантах: «наши враги»¹ и Красная армия. В последнем случае младшему поколению подробно рассказывали про советское вооружение – броневики, корабли, подводные лодки, самолеты, артиллерию. В детских садах воспитанники часто рисовали, лепили из глины или вырезали из дерева танки и пушки (ил. 4 на цв. вклейке).

Однако во времена первой пятилетки не пушки и танки оказались главной машиной Страны Советов. В эти годы боевая техника уступила первенство другой машине, которая по упоминанию во всевозможных изданиях выбилась в безоговорочные лидеры, – трактору. Именно он стал настоящим героем первой пятилетки среди всей техники СССР.

Россия испокон веков была аграрной страной, 80 % населения которой на начало индустриализации проживало в деревнях и существовало за счет сельского хозяйства. До революции 1917 г. страна занимала второе место в мире по экспорту зерна. Хлебная ориентация России отразилась в 1926 г. в одной из детских книг про Коминтерн, где автор, рассказывая про разные страны, сделал акцент на их национальной кухне. Французский мальчик Жак в этой книге уплетал пирожное, английский Том – бифштекс, а русский, «наш Гаврюшка», ел хлеб. Когда дети из этих стран объединились в Коминтерн, и у них возник вопрос, «Где бы раздобыть к обеду хлеба?», то со словами «Ешьте, братцы, русский хлеб!» булкой поделился «наш Гаврюшка» [Агнивцев, с. 12]. Таким образом, в советской агитации периода первой пятилетки трактор выходил на первый план в связи с тем, что именно с ним связывалось повышение урожайности в аграрной России, которое, в свою очередь, должно было решить целый ряд важнейших задач.

Как известно, финансирование сталинской модернизации происходило за счет массового вывоза зерна за границу. По словам российского историка И. Орлова, «валюту приносил экспорт хлеба и леса. Экспорт хлеба потянул за собой коллективизацию, а экспорт леса – лагеря» [Орлов, с. 9]. Таким образом, рекламируя трактор, власть пропагандировала колхозы, а вместе с ними идею использования сельхозмашин² с целью повышения урожайности, увеличения экспорта зерна, роста валюты и, как следствие, строительства новых заводов.

---

¹ В методическом издании для учителей «Пятилетка в массовой школе» (1930) советским педагогам давались рекомендации о том, как просвещать детей младших классов. Среди них был сбор материала по теме «Друзья и враги пятилетки», где должны были фигурировать предприятия, организации и отдельные лица, «настойчиво» и «удачно» выполняющие план, а также заводы и граждане, «срывающие» показатели. Кроме того, в каждой школе следовало организовать уголок на тему «Наши друзья и враги пятилетки». См.: [Казанский, Клименко, с. 9].

² Как утверждалось в те годы на всевозможных уровнях, единоличному крестьянину покупка техники не под силу, в отличие от большого коллективного хозяйства.

Широкое применение сельхозтехники должно было решить и проблему недоедания. Вопрос не являлся праздным для советского руководства, так как именно голод начала 1920-х гг. в результате политики «военного коммунизма» в деревне дискредитировал Советы и идею коммунизма как таковую. Наибольший удар этот голод нанес малолетнему населению: по некоторым данным, от недоедания за 1921–1922 гг. в стране погибло 97–98 % детей в возрасте до трех лет [Смирнова, с. 153]³. После такой катастрофы советской власти необходимо было реабилитировать себя. Роль восстановителя репутации на рубеже 1920–1930-х гг. досталась трактору.

Трактор символизировал не только спасение от возможного голода, но и отсутствие каких-либо проблем с пропитанием вообще. Несмотря на то, что в 1928–1931 гг. в стране не было масштабного голодания, люди продолжали плохо питаться и недоедать. В апреле 1929 г. в СССР были введены карточки на хлеб, а концу года – на все остальные продукты. Тема нехватки продовольствия часто фигурировала в детских рассказах и стихах того времени, воспитывая бережное отношение к продуктам. Журнал для детей младшего возраста «Мурзилка» регулярно обращался к продовольственной теме и летом 1929 г. опубликовал рассказ «Хлебный человечек», герой которого детсадовец Вова вылепил фигурку из хлеба. «Для лепки есть глина. А хлеб на это тратить нельзя, – укоряли нерадивого мальчишку взрослые. – Вот даром кусок пропал» [Федэ, с. 2].

В детских рассказах про животных тема недоедания носила еще более открытый характер. В повествовании о жизни зверей в зимнем лесу юным читателям рассказывали преимущественно про преследующий их голод. Если мимо пролетела ворона, единственная ее характеристика – «голодная» [Шведер, с. 24]; птички летают вокруг и говорят следующее: «Ах, голодно! Ах, холодно! Что бы поесть?» [Демин, с. 20]. Волчья песня звучит так:

Я – серый волк,
Зубами щелк...
Худой как пень,
Не ел весь день.
В снегу – весь лес —
Весь корм исчез!
Едва иду,
Ищу еду
И вою: «У-у-у»

[Клокова, с. 4].

³ Т. М. Смирнова приводит в своей книге «Дети Страны Советов» данные, озвученные ответственным секретарем деткомиссии ВЦИК весной 1922 г. Цитата секретаря звучит следующим образом: «Достаточно сказать, что детское население до 3-х лет почти все вымерло, его осталось до 2–3 %».

Авторам произведений и их маленьким читателям в это время тема пустого желудка была важнее, ближе и понятнее, чем другие характеристики зимней жизни животных в лесу. Однако, как бы ни завуалировали тему нехватки продовольствия, иногда образ недоедающего ребенка явственно прорывался наружу. В письме журналу «Мурзилка» зимой 1929 г. Зоя Калинина рассказывает, что сейчас она находится в санатории, а привезли ее из детского дома, где она живет. Далее девочка пишет: «Я живу хорошо, у нас пища хорошая» [Калинина, с. 30]. Для Зои единственной и главной мерой хорошей жизни оказывается еда⁴.

Полуголодная жизнь определяла все существование страны в это время. Возможно, поэтому в воспоминаниях людей, детство которых пришлось на сталинские годы, самыми любимыми праздниками были полузапрещенные, но хлебосольные Рождество и Пасха. Как признавалась позднее одна женщина, в детстве она любила Пасху, потому что в этот день стол ломился от яств.

Спасти или, точнее, накормить большую аграрную и при этом полуголодную страну в ответах пропагандистов мог только трактор. Детская литература приводила простое объяснение: «Трактор может все» – он «тянет за собой машины» и различные устройства, а потому «он пашет, сеет, косит, возит» [Савельев, с. 16]. С ним легче не только вспахать землю и засеять поле, но и собрать урожай, преодолеть традиционное бездорожье, расчистить новые территории: «трактор пни, коренья выворотит, все поле перевернет» [Житков, с. 10]. Этот силач работает за 30 лошадей [Савельев, с. 16], оттого один может вспахать за два дня 400 гектаров. Для сравнения: при вспашке 400 гектаров по старинке, согласно утверждению журнала «Ёж», потребовалось бы 26 лошадей и «не менее трех месяцев» [Неусихин, с. 6].

На страницах детских изданий трактор изображался в виде мощной преобразующей силы. Сельскохозяйственный агрегат обычно помещался в колонну, с одной стороны которой была заросшая земля, а с другой – аккуратно вспаханное поле. В «Колхозной весне» юные читатели наблюдали, как «девушка в синем платье, трактористка Петрова Катя» управляла машиной в подобной колонне [Александрова] (ил. 5 на цв. вклейке). Кстати, в этом произведении все девочки хотели стать трактористками. Ведь это выглядело престижно: сидишь на машине, крутишь руль, носишь кожаные перчатки. Иконография «трактор – поле – молодежь» стала традиционной. При этом наличие трак-

---

⁴ В санаториях действительно кормили лучше, чем в детских домах, где питание часто состояло из хлеба и картошки, хотя в нормативах прописывались еще мясо, крупы и сахар, а в некоторых регионах – овощи, молоко и яйца. Небольшие улучшения рациона в детских домах наметились в начале 1930-х гг., когда были увеличены ежедневные нормы хлеба и молока. Только во второй половине этого десятилетия в рацион данных учреждений были введены такие продукты, как творог, сыр и сметана, а сладости детям официально разрешили только в 1938 г., когда в обязательный паек впервые включили печенье и конфеты монпансье. Но все это «официальное изобилие» будет впереди, а пока на рубеже 1920–1930-х гг. страна как в постановлениях, так и в жизни испытывала острую нехватку продовольствия. См. о питании в детских домах: [Смирнова].

тора – как в тексте, так и на картинке – было ценно не само по себе, а как обещание грядущего изобилия. Поэтому трактор и великие поля оказались неразлучной парой изобразительного ряда этого времени.

Наряду с традиционным лозунгом соцреализма «светлое будущее не за горами», советская пропаганда использовала «правило взаимного обмена», суть которого сводилась к манипуляции: *тот, кто взял, будет чувствовать себя обязанным тому, кто дал*⁵. Сталинская индустриализация, помещенная в рамки данного правила, превращалась в своеобразный дар (или кредит?) большевистской власти народу. Такое щедрое кредитование требовало ответной реакции – всесторонней помощи государству со стороны граждан вне зависимости от их желания. Отсюда – принудительные «добровольные займы», обязательное участие в субботниках, сверхурочная работа и т. п. От маленьких жителей страны ожидали аналогичного поведения.

Как утверждали детские журналы, самым лучшим поступком в «тракторную эру» было участие в сборе денег на строительство тракторной колонны. В почте «Мурзилки» от имени ребят и редакции регулярно шли призывы к юным читателям делать займы на строительство тракторов, собирать утиль для этих целей или что-то продавать. Например, как это сделали сестры Тася и Мими Савенковы, которые «переслали» на трактор 1 р. 50 коп.: «Эти деньги мы получили за цветы и травы, собранные в поле для аптеки» [Савенковы, с. 31]. В журнале говорилось: «все дети должны помогать нашему правительству скорее закончить пятилетку» [Там же, с. 32].

Однако проводить техническую агитацию было непросто: сама тема при отсутствии интересного сюжета оказывалась довольно скучной, и кроме того, существовали определенные идеологические правила – авторы должны были ориентироваться на появившиеся в 1924 г. «Требования к изданию детской литературы», согласно которым в текстах требовалось выдерживать курс на реализм, коллективизм, «борющиеся пролетариат и крестьянство» [Заявление Главлита]. Иными словами, никакого волшебства и никаких сказочных героев. О сложности восприятия, а фактически о «скучности» тем, связанных с индустриализацией, с их цифрами и сложными терминами говорили советские педагоги. Одна из педагогов в методическом издании для учителей «Пятилетка в массовой школе» (1930) отмечала, что цифры Госплана были настолько астрономическими, что оперировать ими в работе с младшеклассниками было невозможно [Шимбирева, с. 14]. Поэтому ставка делалась на «сенсорно-моторные дисциплины»: при пропаганде первой пятилетки в младших классах преимущественно рисовали, лепили и вырезали из бумаги. Это, кстати, предлагали делать и читателям «Мурзилки» и «Ежа», где нередко публиковались детали заводов, гидроэлектростанций и машин, которые необходимо было вырезать и склеивать (ил. 6 на цв. вклейке).

⁵ См. подробно о данном правиле: [Чалдини].

Или, например, детям предлагали сначала нарисовать старую деревню, а затем зачеркнуть все старое – от лошадей до избышек («все долой, все зачеркнем») и рядом нарисовать новое: широкие вспаханные поля, тракторы, «большие и светлые дома» [Ильин, 1930b, с. 8–14].

В рамках заданной концепции было сложно создать по-настоящему увлекательный детский текст. Поэтому установки нарушались, и рассказчики прибегали к традиционным приемам сказки, где строящиеся заводы превращались в «крепости» [Ильин, 1929, с. 21], подъемные краны – в «чудовищ» [Ильин, 1930a, с. 15], а турбины – в «великанов» с «железными шлемами» [Ильин, 1929, с. 19]. Трактор же становился настоящим супергероем, которому под силу было все вплоть до победы над вековой крестьянской неустроенностью.

Мир творчества детей в эти годы был наполнен тракторами, которые в детских садах лепили из глины, вырезали из дерева, рисовали на бумаге. В одной из книг про детский сад говорилось, что «у нас много рисунков», но в издании был напечатан только один, и изображен на нем был трактор. Подпись гласила: «Леня нарисовал березовый лес и поле. В лесу пасется стадо, а в поле пашет трактор» [Ульрих, с. 12].

Рисунков с изображением стального пахаря было достаточно много в почтовом разделе «Мурзилки», именовавшемся «Выставка картин». Здесь публиковались детские работы, присланные со всего Союза. Иные картины вызывают восхищение: железный пахарь нарисован со знанием дела – подножка, радиаторная решетка, выхлопная труба. И, как правило, тут же стоит подпись: «Трактор» или «Сельскохозяйственные машины». Видимо, в этом весь секрет популярности тракторной темы в детском искусстве. Юные художники исполняли ее на заказ, когда взрослые просили их нарисовать технику, ибо на рисунках с подписью «Деревня» или «Сенокос» никакие тракторы не фигурируют, вместо них – телеги и лошади. Пропагандистская мечта о машинной России на рубеже 1920–1930-х гг. оставалась пока только на бумаге, как только дело касалось реальной жизни, она рассыпалась, словно карточный домик. И юные художники не лукавили: когда их просили изобразить трактор – они исполняли просьбу, но когда речь шла о сельской местности, они рисовали то, что видели, – деревенских кобылок, запряженных в повозки.

Трактор пребывал на пьедестале недолго, только на старте сталинской модернизации. Данный старт в лице первой пятилетки, пропагандировавшей сельскохозяйственную технику, завершился сельскохозяйственной катастрофой – падением урожайности⁶ и новым голодом, в современной Украине получившим название голодомора. В последующие две пятилетки «машинный» курс советской пропаганды изменился: в середине 1930-х гг. на первое место вышла авиация, а к концу десятилетия – вся боевая техника.

---

⁶ Падение урожайности в эти годы сопровождалось ростом экспорта зерна за границу. Западные историки называют эту ситуацию в СССР «голодным экспортом».

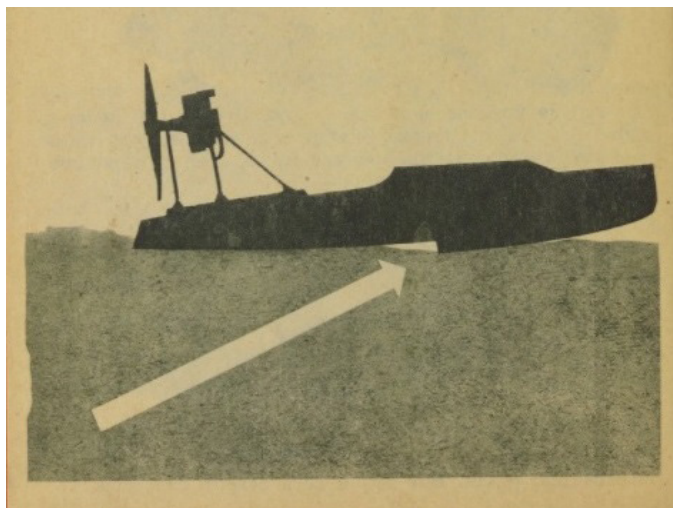
Иллюстрации к статье:
 Анна Вырупаева. Спасительный трактор: пропаганда технического прогресса в советских изданиях для детей довоенного времени
 Illustration for the article:
 Anna Vyrupaeva. The Rescue Tractor: The Propaganda of Technological Progress in Soviet Publications for Children during before the Second World War

1. Иллюстрация из книги В. Войнова
 «80 000 лошадей» (1925)
 Illustration from *80 000 Horses* (1925)
 by V. Voinov

2. Кадр из фильма Ф. Ланга «Метрополис»
 (1927)
 Still from *Metropolis* (1927) by F. Lang

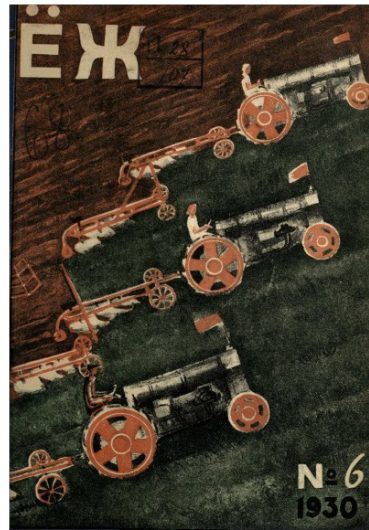
3. Глиссер. Из книги Л. Кассиля «Лодка-вездеходка» (1933)
 Speedboat. From *The Boat that Goes Everywhere* (1933) by L. Kassil

4. Иллюстрации к книге С. Маршака «Мы военные» (1938)
Illustrations for *We are the Military* (1938) by S. Marshak

5. Обложка книги Э. Александровой
«Колхозная весна» (1932)
Cover of *Kolkhoz Spring* (1932)
by E. Aleksandrova

6. Обложка журнала «Ёж» (1930)
Cover of the *Ezh* magazine (1930)

Однозначно ответить на вопрос, смогла ли сталинская пропаганда убедить «начинающих бойцов коммунизма» в своей новой созидательной силе, сложно, особенно если учесть, что подавляющая часть советских детей читала редко. Большинство юных советских граждан на тот момент были носителями деревенской культуры, для которой чтение не было занятием первой необходимости.

Список литературы

- Агнивцев Н.* О шестерых вот этих. М. : Книга, 1926. 14 с.
- Александрова Э.* Колхозная весна. М. : Молодая гвардия, 1932. 14 с.
- Войнов В.* 80 000 лошадей. Л. : ГИЗ, 1925. 12 с.
- Дейнеко О., Трошин Н.* Хлебозавод № 3. М. : Молодая гвардия, 1931. 14 с.
- Демин Ф.* Старый друг // Мурзилка. 1929. № 12. С. 20–21.
- Житков Б.* Чудаки. М. ; Л. : ОГИЗ, 1931. 16 с.
- Заявление Главлита по поводу встречающихся противоречий в оценке детской литературы со стороны комиссии по книге при Главсоцвосе и деткомиссии при ГУСе, в частности в отношении сказок «Курочка Ряба» и «Белочка» : постановление президиума Коллегии Народного комиссариата просвещения, 22 февраля 1927 г. // Открытый текст : электрон. периодич. изд. : [сайт]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/narkompros/6-ijunja-1922-5-ijunja-1931-narkompros/1927-22-fevralja-postanovlenie-prezidiuma-kolleгии-nkp-zajavlenie-glavlita-po-povodu-vstrechaju-shhihsja-protivorechij-v-ocenke-detskoj-literatury-so-storony-komissii-po-knige-pri-glavsocvose-i-detkom> (дата обращения: 15.07.2021).
- Ильин М.* Цифры-картинки // Ёж. 1929. № 10. С. 18–23.
- Ильин М.* По огненным следам // Ёж. 1930а. № 1. С. 12–17.
- Ильин М.* Новый помощник // Ёж. 1930б. № 8. С. 8–14.
- Казанский А., Клименко П.* Пятилетка в массовой методической работе // Пятилетка в массовой школе в связи с методом проектов / под ред. П. К. Шимбирева. М. : Работник просвещения, 1930. С. 4–11.
- Калинина З.* Письма из санатория. Мурзилкина почта // Мурзилка. 1929. № 12. С. 30.
- Кармен Р.* Аэросани. М. : Молодая гвардия, 1931. 32 с.
- Кассиль Л.* Лодка-вездеходка. М. : ОГИЗ, 1933. 32 с.
- Клюкова М.* Волчья песня // Мурзилка. 1929. № 12. С. 4.
- Махнаева Ю.* Про заём. Мурзилкина почта // Мурзилка. 1929. № 12. С. 30.
- Неусихин Д.* Тракторы в «стране Советов» // Ёж. 1930. № 8. С. 5–7.
- Орлов И.* Сталинская модернизация: интервью с доктором исторических наук И. Б. Орловым // Историк. 2019. № 10. С. 6–16.
- Савельев Л.* Что мы строим? Тетрадь с картинками. М. : ГИЗ, 1930. 20 с.
- Саконская Н.* Песнь о дирижабле. М. : Молодая гвардия, 1931. 15 с.
- Смирнова Т. М.* Дети страны Советов : От государственной политики к реалиям повседневной жизни. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 384 с.
- Сталин И. В.* О задачах хозяйственников : речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 года // Исторические материалы : [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/20360> (дата обращения: 20.06.2021).
- Стучинская И.* Крылья Советов. М. ; Л. : ГИЗ, 1930. 16 с.
- Ульрих Е.* Детский сад в березовой роще. М. : Молодая гвардия, 1931. 20 с.
- Федэ А.* Хлебный человечек // Мурзилка. 1929. № 6. С. 1–3.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Пантина. М. : РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Чалдини Р.* Психология влияния / пер. с англ. Е. Бугаева, Е. Волкова, О. Пузырева. СПб. : Питер, 2018. 480 с.

Шведер Е. Зимний наряд // Мурзилка. 1929. № 12. С. 24–25.

Шимбирева Е. Как мы работаем над пятилеткой // Пятилетка в массовой школе в связи с методом проектов / под ред. П. К. Шимбирева. М. : Работник просвещения, 1930. С. 12–24.

References

- Agnivtsev, N. (1926). *O shesterykh vot etikh* [About These Six Here]. Moscow, Kniga. 14 p.
- Aleksandrova, E. (1932). *Kolkhoznyaya vesna* [Kolkhoz Spring]. Moscow, Molodaya gvardiya. 14 p.
- Chaldini, R. (2018). *Psikhologiya vliyaniya* [The Psychology of Influence] / transl. by E. Bugaeva, E. Volkov, O. Puzyreva. St Petersburg, Piter. 480 p.
- Deineko, O., Troshin, N. (1931). *Khlebozavod № 3* [Bread Factory No. 3]. Moscow, Molodaya gvardiya. 14 p.
- Demin, F. (1929). Staryi drug [Old Friend]. In *Murzilka*. No. 12, pp. 20–21.
- Fede, A. (1929). Khlebnyi chelovechek [Bread Man]. In *Murzilka*. No. 6, pp. 1–3.
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya sovetskoï Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s] / transl. by L. Pantin. Moscow, ROSSPEN. 336 p.
- Il'in M. (1930b). Novyi pomoshchnik [New Assistant]. In *Ezh*. No. 8, pp. 8–14.
- Il'in, M. (1929). Tsifry-kartinki [Numbers-Pictures]. In *Ezh*. No. 10, pp. 18–23.
- Il'in, M. (1930a). Po ognennym sledam [Following the Fire Trails]. In *Ezh*. No. 1, pp. 12–17.
- Kalinina, Z. (1929). Pis'ma iz sanatoriya. Murzilkina pochta [Letters from the Sanatorium. *Murzilka* Mail]. In *Murzilka*. No. 12, p. 30.
- Karmen, R. (1931). *Aerosani* [Aero-Sleigh]. Moscow, Molodaya gvardiya. 32 p.
- Kassil', L. (1933). *Lodka-vezdekhodka* [The Boat that Goes Everywhere]. Moscow, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv. 32 p.
- Kazanskii, A., Klimenko, P. (1930). Pyatiletka v massovoi metodicheskoi rabote [The Five-Year Plan in Mass Methodical Work]. In Shimbirev, P. K. (Ed.). *Pyatiletka v massovoi shkole v svyazi s metodom projektov*. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, pp. 4–11.
- Klokov, M. (1929). Volch'ya pesnya [Wolf Song]. In *Murzilka*. No. 12, p. 4.
- Makhnaeva, Yu. (1929). Pro zaem. Murzilkina pochta. [About the Loan. *Murzilka* Mail]. In *Murzilka*. No. 12, p. 30.
- Neusikhin, D. (1930). Traktory v "strane Sovetov" [Tractors in "the Land of the Soviets"]. In *Ezh*. No. 8, pp. 5–7.
- Orlov, I. (2019). *Stalinskaya modernizatsiya. Interv'y u doktorom istoricheskikh nauk I. B. Orlovym* [Stalinist Modernisation. Interview with Dr. Hab. I. B. Orlov (History)]. In *Istoriik*. No. 10, pp. 6–16.
- Sakonskaya, N. (1931). *Pesn' o dirizhable* [The Song of the Dirigible]. Moscow, Molodaya gvardiya. 15 p.
- Savel'ev, L. (1930). *Chto my stroim? Tetrad' s kartinkami* [What Are We Building? A Workbook with Pictures]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 20 p.
- Shimbireva, E. (1930). Kak my rabotaem nad pyatiletkoi [How We Are Working on the Five-Year Plan]. In Shimbirev, P. K. (Ed.). *Pyatiletka v massovoi shkole v svyazi s metodom projektov*. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, pp. 12–24.
- Smirnova, T. M. (2015). *Deti strany Sovetov. Ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoi zhizni* [Children of the Land of the Soviets. From State Policy to the Realities of Everyday Life]. Moscow, St Petersburg, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 384 p.
- Stalin, I. V. (1931). O zadachakh khozyaistvennikov: rech' na Pervoi Vsesoyuznoi konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoi promyshlennosti, 4 fevralya 1931 goda [Speech at the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry, 4 February 1931]. In *Istoriicheskie materialy* [website]. URL: <https://istmat.org/node/20360> (accessed: 20.06.2021).

Stuchinskaya, I. (1930). *Kryl'ya Sovetov* [Wings of the Soviets]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 16 p.

Sweder, E. (1929). Zimnii naryad [Winter Dress]. In *Murzilka*. No. 12, pp. 24–25.

Ulrich, E. (1931). *Detskii sad v berezovoi roshche* [The Kindergarten in the Birch Grove]. Moscow, Molodaya gvardiya. 20 p.

Voinov, V. (1925). *80 000 loshadei* [80,000 Horses]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 12 p.

Zayavlenie Glavlita po povodu vstrechayushchikhsya protivorechii v otsenke detskoj literatury so storony komissii po knige pri Glavsotsvose i detkomissii pri GUSE, v chastnosti v otnoshenii skazok “Kurochka Ryaba” i “Belochka”. Postanovlenie prezidiuma Kollegii Narodnogo komissariata prosveshcheniya, 22 fevralya 1927 g. [Statement of the Glavlit Concerning the Contradictions Encountered in the Evaluation of Children's Literature by the Book Commission at Glavsotsvos and the Children's Commission at GUS, with Particular Regard to the *Ryaba the Hen* and *Little Squirrel* Fairy Tales. Resolution of the Presidium of the Board of the People's Commissariat for Education, 22 February 1927]. (1927). In *Otkrytyi tekst. Elektronnoe periodicheskoe izdanie* [website]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/narkompros/6-ijunja-1922-5-ijunja-1931-narkompros/1927-22-fevralja-postanovlenie-prezidiuma-kollegii-nkp-zajavlenie-glavlita-po-povodu-vstrechajushhihsja-protivorechij-v-ocenke-detskoj-literatury-so-storony-komissii-po-knige-pri-glavsocvose-i-detkom> (accessed: 15.07.2021).

Zhitkov, B. (1931). *Chudaki* [Eccentrics]. Moscow, Leningrad, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv. 16 p.

The article was submitted on 17.11.2020